

Ольга Рожнёва

МЕРА ЖИЗНИ

Как стать счастливым

Рассказы и повесть

ВОЛЬНЫЙ СТРАННИК
Москва, 2021

УДК 821.161.1-312.2Рожнева

ББК 84(2=411.2)6-44

Р63

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-010-0292

Рожнёва, Ольга Леонидовна.

Р63 Мера жизни. Как стать счастливым : рассказы и повесть /
О. Л. Рожнёва. — Москва : Вольный Странник, 2021. — 320 с. : ил.
ISBN 978-5-00178-021-2

Новая книга известного автора, члена Союза писателей России Ольги Рожневой, дважды лауреата конкурса Издательского совета РПЦ «Просвещение через книгу» в номинации «Лучшее художественное произведение», включает в себя рассказы и повесть «Лальские тайны». Самобытные произведения Ольги Рожневой основаны на реальных событиях и повествуют о промыслительных встречах, тяжелейших испытаниях и нечаянной радости. Вошедшие в сборник истории полны драматизма, лиричности и светлого юмора, что придает им особое обаяние. Герои рассказов — самые разные люди, но их объединяет стремление в переплетении дней и событий разглядеть неусыпную заботу Творца. Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1-312.2Рожнева

ББК 84(2=411.2)6-44

© Рожнёва О. Л., 2021

© Оформление ООО «Вольный
Странник», 2021

ISBN 978-5-00178-021-2

Часть 1.

В чем счастье?

(Рецепты наших
современников)

Мера жизни

Люди живы настолько, насколько в них живет Бог. Ибо только Бог — жизнь. Есть живые и неживые, что зависит от меры Бога в них, меры жизни, которую они несут в себе. Со страхом говорю тебе: есть неживые люди. Хотя неискушенным они кажутся такими же живыми! Они же существуют! Разве их нет? — спросишь ты. Да, но и когда угасает костер, дым еще долго витает над пепелищем.

Святитель Николай Сербский

Сергей: Мне исполнилось 42 года, когда я попал в страшную аварию. В больницу поступил в сознании. А потом все забыл: неделя до аварии и неделя после — стерлись начисто. Короткая память пропадает при такой травме. Мне потом рассказали, как после работы мы выпили и поехали в ночной клуб. Я тогда часто пил — любил это состояние легкого и не очень легкого опьянения, когда настроение приподнятое. Любил музыку, рестораны. Много курил. Мне регулярно приходилось вести переговоры с бизнес-партнерами, а после переговоров, известное дело, культурная программа: застолье, сауна...

Так-то жили мы с женой хорошо. Зарабатывал я всегда прилично. Мы с ней увлекались дайвингом, на яхте путешествовали. Дочка росла, все для нее было самое лучшее. Я много ездил по нашей стране и по другим странам в командировки. Видел у нас в России много очень умных, образованных людей, которые жили совсем бедно. А мне как-то все само шло в руки. И поэтому если Лена упрекала меня, что часто пью, я обычно отвечал:

— Я вас кормлю — что вам еще нужно?!

За несколько лет до аварии ездил на юг в командировку. Меня хорошо встретили, мы изрядно выпили после переговоров. И вот ночью меня нашли пьяного у гостиницы с сильно разбитой головой и сломанной голенью. Сложный был перелом, нога висела на тканях. В возбуждении уголовного дела милиция отказала: было непонятно, что произошло. То ли меня машина сбила, то ли я с лестницы упал и приполз к гостинице. Страховая компания меня опрашивала, а что я мог сказать? Упал, очнулся, гипс? Это был серьезный знак, предупреждение такое. Но я этого знака совершенно не понял, не внял ему и продолжал вести прежний образ жизни.

И вот когда мы ехали после работы в ночной клуб, чтобы там продолжить и, так сказать, усугубить, моя машина влетела под фуру. У меня есть фотография, я вам покажу: глядя на разбитую машину, вообще удивительно, что ее водитель мог остаться в живых.

Мне рассказали врачи, как они меня проинформировали:

— У вас разбит череп, сильно пострадало лицо, почти оторван нос, вытекает жидкость. Также сломаны ребра и повреждены легкие.

И я ответил:

— Тогда убейте меня. Я не хочу быть обузой близким.

Лена: В Бога мы верили, как это принято говорить, в душе. Перед аварией как раз окрестили дочку. Пришли в церковь взбудораженные, веселые, а на душе у меня — как-то тревожно

было. Что-то смущало, беспокоило. Священник благословил выучить молитвы — я выучила «Отче наш». До этого даже и не знала.

Перед аварией вечером разговаривала с Сережей по скайпу. Он был в другом городе в офисе по работе. Когда отключилась — думаю: что бы мне почитать вечером? И вот крутится у меня в голове имя Серафима Саровского. Это было совершенно непонятно и удивительно: человек я нецерковный и совершенно не знала, кто такой Серафим Саровский и как он выглядит.

Вышла в интернет и прочитала о нем. Это было — что-то! Его житие меня просто потрясло! Как гром среди ясного неба! Я заплакала — и решила ему помолиться. Это было совершенно удивительно, потому что никогда раньше желания помолиться у меня не возникало. Потом прочитала: когда Господь хочет кого-то спасти, внушает людям молиться за этого человека. Тут же в интернете нашла молитвы — и помолилась за мужа, дочь, нашу семью. Как узнала позднее — все совпало во времени:

я молилась в первый раз в жизни за своего мужа, когда его машина летела под фуру и жизнь его висела на волоске.

После молитвы уснула. Утром звоню Сергею — а он трубку не берет. Внутри все оборвалось, время остановилось. Звоню его коллеге. Отвечает: он не пришел на работу. Был день рождения нашей дочери, вечером ждали гостей, ее подружек, родственников — а я готовить ничего не могу, все из рук падает. Мама Сережи спрашивает: «Что с тобой?» А я боюсь ей сказать, вдруг он просто где-то лишнее выпил. Отвечаю: «Все в порядке!»

Он не объявился и к вечеру — тогда мы с мамой стали его искать. Очень быстро узнали, что Сережа в реанимации, доставлен в тяжелом состоянии. Мы поехали в больницу.

Врач вначале усадила нас, только потом стала говорить:

— До операции он сказал нам: «Мою жену зовут Лена». Знает, Лена — это вы? Вашему мужу сделали трепанацию черепа. Он в коме. Когда выводить будем — пока не знаем. После таких травм непонятно: узнает ли он вас? сохранил ли интеллект? сможет ли сам ходить и даже сам есть?

Компаньон по бизнесу немного навязчиво ходил везде за нами, присутствовал при всех разговорах с хирургом, пристально наблюдал... Переживал за бизнес, поскольку многое держалось именно на Сергее. Я за бизнес не переживала — думала только о его жизни. Я его очень люблю.

Меня послали за вещами Сережи. Все было пропитано его кровью. На обручальном кольце тоже кровь. Это было страшно. Наконец нас впустили в палату. Когда мы его увидели — у него была большая черная голова, разбухшая от отеков, — как воздушный шарик. Переломано основание черепа, раздроблены лицевые кости, почти оторван нос. Весь в проводах и трубках, леденящий душу звук аппарата искусственного дыхания... Но он теплый, у него поднималась грудь и билось сердце — мое любимое большое сердце!

Сергей: Три недели комы и две недели между жизнью и смертью. Мне давали сильнодействующие наркотики: человек не спит, но ничего не чувствует и не соображает. Постепенно дозу лекарств стали снижать — и я постепенно начал приходить в чувство и что-то понимать. Запомнилось, как ко мне пришел мой отец, а я сижу в кресле. И отец смотрит на меня испуганно и спрашивает у врача:

— Он теперь всегда такой будет?

А у меня мозги так медленно соображают: «Какой — “такой”?» И потом вижу себя как бы со стороны: бессмысленный отсутствующий взгляд, и слюни текут изо рта, стекают по подбородку. Из глаз слезы текут. Полный идиот. И тогда мне самому стало страшно. Я начал осознавать себя.

Особенно запомнилась ночь, когда я уже почти полностью все осознавал. Помню, как мне было плохо, как хотел пить — и не мог дотянуться до стакана воды на тумбочке. Оказывается, мышечная масса теряется очень быстро, и я сильно ослаб. А попросить воды не мог — не было голоса. Санитары — молодые парни, — видимо, не понимали, что я не могу дотянуться до воды. Пить жутко хотелось — я испытывал настоящие муки. Пытался поднять руку — и сил не хватало. Единственное, что мог, — пальцами шевелить. И я стянул с пальцев датчики для измерения пульса — тогда прибежали санитары, снова укрепили датчики и пригрозили, что свяжут меня. А воды не дали.

Когда Лену пустили наконец, она сразу догадалась, что я хочу пить. Спросила:

— Почему вы не давали ему воды?!

Они ответили:

— Так вот же на тумбочке стакан с водой стоит!

Лена: Мне не разрешали находиться с ним в реанимации, но я уже знала, что нужно делать, — нужно молиться. Каждый день читала акафист преподобному Серафиму Саровскому. Три раза в день читала канон за болящего. Не могла

есть и пить, не могла спать. Как будто, когда я не молюсь — ему хуже.

Как-то ночью лежала дома в постели, но спать не могла — душила боль, меня всю колотило. С закрытыми глазами начала повторять имя Господа нашего Иисуса Христа: «Господи Иисусе Христе, Господи Иисусе Христе...» И это была, как я сейчас понимаю, моя первая Иисусова молитва.

И вдруг — как вспышка перед глазами — Пресвятая Богородица с Младенцем Христом. Такая, как Она изображена на Владимирской иконе Божией Матери. И я перестала трястись — ощутила мгновенное утешение. Пришла уверенность, что все будет хорошо.

Потом я поняла, что мне нужно на исповедь. Никогда в жизни не исповедовалась. И даже не понимала — не видела своих грехов: а в чем же я грешна? Вроде бы и грехов-то никаких нет! Тому, кто привык к исповеди, это может быть непонятно, но на самом деле нецерковному человеку, который никогда не прибегал к таинству Исповеди и при этом не совершал каких-то грубых грехов, бывает совершенно непонятно: в чем каяться?

Но, судя по канонам, которые я читала, — я точно была грешная. Если даже преподобный Серафим Саровский называл себя грешником — что было говорить обо мне?! И я стала молиться: «Господи, дай мне увидеть мои грехи!»

И через неделю я осознала эти грехи. Поняла так ясно, что грешна в том, и в этом, и в другом. Мало того, что осознала. Раньше я думала: за что мне такая трагедия?! А теперь пришло чувство: да я по своим грехам достойна и большей скорби!

Сергей начал выходить из комы в конце февраля. 12 марта его перевели из отделения интенсивной терапии в общее. К концу марта выписали и назначили курс реабилитации. В середине мая он снова начал работать.

Сергей: Окончательно осознал себя я только в марте. Были мысли: зачем я выжил?! Я не мог пройти пеш-

ком 200 метров! Сил не стало, а я всегда был крепким и сильным мужчиной. Бывшие друзья куда-то все пропали... На прежней работе я пока не мог работать — да я ходил с трудом! Когда на тебя деньги сыплются — у тебя много друзей. Куда они потом все делась — я не знаю... Ни одного не осталось!

Но к Богу я не пришел. Начал читать про познание самого себя, увлекся нейролингвистическим программированием — НЛП.

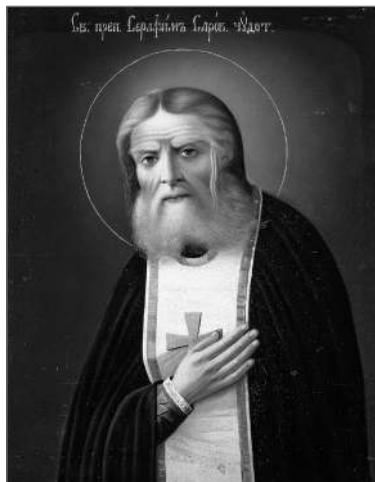
Лена сильно изменилась за два с половиной месяца. Мы всегда хорошо понимали друг друга. А тут я перестал ее понимать. Я-то как бы два месяца спал и проснулся таким же, каким был раньше. А она за это время прошла огромный, как я сейчас понимаю, путь.

Лена: Я действительно сильно изменилась за два месяца. А он — нет. И он меня не понимал. Все рассказывал мне про НЛП. Я уже не могла жить без молитвы, начала соблюдать посты, а он говорил мне:

— Не закидывайся на религии! На Бога надейся — а сам не плошай!

А у меня не было еще никакого понимания о православии, никаких убедительных аргументов. Только вера. И еще у меня были Пресвятая Богородица и преподобный Серафим Саровский.

Я стала иначе относиться к жизни — стала равнодушна к мирским развлечениям, к вещам. Дала себе обет: не покупать обновок и косметики. Я мечтала раньше отпуск на яхте

*Преподобный Серафим
Саровский*

провести — и вдруг все это потеряло для меня ценность, стало пустым времяпрепровождением. Кто испытывал действие призывающей благодати, которую Господь дает впервые приступающему к Нему человеку, тот меня поймет. А Сережа не понимал...

Я давала ему читать духовные книги, пыталась что-то рассказать, а он раздражался, и мы ссорились. И вот один раз мы поссорились, я сильно рассердилась — и вдруг ощутила, что стала такой, как раньше! Даже хуже, чем раньше! Благодать отступила от меня — и я снова почувствовала интерес к миру, и этот мир обрушился на меня всеми своими соблазнами! Прежние страсти всколыхнули душу.

И тогда я осознала, что это произошло промыслительно — для того, чтобы я поняла состояние Сережи, поняла, что только благодать Божия даровала мне все. Это не я сама такой верующей и ревностной стала — это все действие благодати, дар Божий! И если благодать отступит от меня — я все потеряю!

И я перестала спорить с мужем. Больше не пыталась его обратить в веру. Стала только молиться за него: «Господи, дай ему веру!»

Так прошел год. Мы жили мирно, я утром и вечером молилась. И Сережа стал вставать рядом со мной. Но жаловался, что у него нет веры. Я продолжала молиться за мужа. Прошел еще год. Сергей полностью восстановился. Только шрамы по контуру лица, впрочем, малозаметные, напоминали о страшной аварии. Мы поехали в паломническую поездку.

Сергей: В нашей группе была монахиня, мать Нина. Она сказала мне:

— Синай — это гора пророка Моисея. Здесь Сам Господь говорил с пророком из куста Неопалимой Купины, здесь Моисей получил Заповеди... Вы неслучайно оказались в этом священном месте. Будешь подниматься на гору — вспомни все свои грехи. Иди и читай Иисусову молитву!

И вот мы поднимались ночью на гору — и я читал Иисусову молитву и старался вспомнить свои грехи. Ничего не вспоминалось, точнее, вспоминалось, но как-то вяло: да, есть грехи... у всех есть грехи... и у меня тоже есть грехи...

Было холодно, дул ветер, изредка снизу, из мрака, появлялись бедуины-торговцы, быстро обгоняли нас и исчезали в темноте. Огромное звездное небо, холодные горы, острые зубцы скал, черные провалы, светлячки-фонарики в руках паломников, силуэты верблюдов. Отчего-то вспомнил Честертона. Этот благородный рыцарь-командор писал иногда необычные слова: «Здесь живет верблюд, наш странный друг, доисторический домашний зверь. Никто не знает, был ли он диким, и, глядя на него, нетрудно подумать, что звери вообще были когда-то ручными».

Понял, что отвлекся от молитвы, — и стал снова повторять: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» Вокруг царил какой-то космический, нездешний холод и неотмирная тишина, которую нарушало только шуршание ног о мелкие камни. Я шел и молился — и сначала мне казалось, что я занимаюсь каким-то совершенно бессмысленным и бесполезным делом. Зачем я вообще полез на эту гору?! Для чего повторяю эти странные слова, которые называют молитвой?!

Нас в детстве воспитывали атеистами. Я ходил в атеистический кружок. По заданию учителей рисовал атеистические плакаты. Я всегда был лидером — как-то само собой получалось, что люди ко мне тянулись. Занимался туризмом в школе — устраивал туристические слеты, ездил в пионерские лагеря. Был примерным комсомольцем, комсоргом, председателем совета дружины. Даже в «Орленок» ездил. Верил в коммунизм. А теперь я поднимался на гору Синай и читал Иисусову молитву. Это было нелогично, непонятно... И я не знал, и зачем только я это делаю...

А потом что-то стало меняться. Я не понимал, как и почему, но что-то стало очень сильно меняться во мне. Со мной

Синай

происходили странные вещи — отчего-то я чувствовал себя все больше и больше грешным... Внезапно у меня перехватило дыхание и потекли слезы. Я шел, плакал и думал: «Что доброго сделал я в жизни?! Вот умру — кто пожалеет?! Мать, жена и дочь. И все... Кому я нужен — такой грешный жук навозный?! Как я жил?! Как мог потратить лучшие годы своей жизни так глупо, впустую, гоняясь за бесконечными развлечениями?! Драгоценное время, которое проводил пьяным, с сигаретой в руках, забывая утром о том, что делал вчера?! Среди людей, которых считал друзьями и которые исчезли, как только попал в беду?!»

Мы поднялись на вершину — и начался восход солнца. Огромное красное светило поднималось медленно, освещая необычные, неземные горы, словно сохранившие свой первозданный вид от Сотворения мира. Время будто застыло здесь, остановило свой ход. Светилось все небо, краски менялись, переливались, сияли.

А я уже плакал взахлеб, слезы текли не переставая. Не хотел плакать — слезы сами лились. И я почувствовал: все — это новая жизнь! Господь дает мне еще один шанс! Он оставил меня в живых для покаяния. Чтобы жить между страхом и надеждой. Чтобы искупить свои грехи. Нужно молиться, нужно делать добрые дела! Это был перелом в моей жизни.

Лена: Он заплакал на вершине горы и плакал потом всю дорогу. Во всех монастырях он забивался в угол, прятался — и плакал там. Я видела, что он молится от всего сердца. Я просила, чтобы Господь дал ему веру, — но даже сама не ожидала, что это произойдет с ним так сильно, так явно...

Он начал исповедоваться, причащаться. Потерял интерес к мирским развлечениям. Больше не пьет. Курил 25 лет — бросил. Его жизнь полностью изменилась. Мы стали ездить на Валаам, в Вырицу, к святому Александру Свирскому, в Оптину пустынь.

Я поражаюсь тому, как Господь отвечает на молитвы!

Сергей: Я стал снова хорошо зарабатывать. Объявились старые друзья. А мне больше неинтересен прежний образ жизни. Я их спрашиваю:

— Для чего вы живете?

А они шарахаются от меня и отвечают:

— Серега, да ты расслабься! Тебе нужно войти в колею, стать таким, как прежде!

А у меня такое чувство: я спал — а теперь проснулся.

Но если раньше у меня не было веры в Бога, то сейчас пока еще не хватает веры Богу — я все еще переживаю за завтрашний день, беспокоюсь. Нет и смирения. Гордыня настолько крепко во мне сидит, трудно с ней бороться. Всегда хотелось быть первым, а теперь я учусь смирению.

Мы с партнером по бизнесу решили не нанимать уборщицу: офис небольшой, сами приберемся. И он очень быстро скинул все обязанности по уборке на меня. И вот я мою полы в офисе, мою туалет, убираю и за себя, и за него. Говорю ему:

«Ножки подними». Раньше я бы его избил — а теперь только «ножки подними». Я пытаюсь рассказать ему о Боге — но он пока не особенно слушает.

Мы занимаемся перевозкой грузов из других стран, и вот батюшка из нашего храма попросил привезти из Германии 100 килограмм зондового детского питания для больного ребенка одной прихожанки — такого качества питание только в Германии делают. Я предложил партнеру помочь за счет фирмы — он мне отказал. Тогда я вложил свои деньги и помог ребенку. Просил еще как-то партнера помочь храму — он тоже отказал, сказал:

— Нам эти деньги не вернутся.

Я снова помог из своих.

Но я не хочу его осуждать — вспоминаю, каким был сам. Может, мне его Господь послал для того, чтобы я себя вспомнил и боялся стать прежним. А его сердца Бог коснется — он, может, в сто раз лучше меня станет.

Имена героев рассказа настоящие.

А вы читали Кьеркегора?

«*Ж*изнь — штука непредсказуемая», — вздыхал Петров, направляясь по обледенелой дороге к старой панельной пятиэтажке. Шел он не своим обычным легким, пружинистым шагом молодого человека, трижды в неделю отдающего дань тренажерам и плаванию, а шагал осторожно, держался ближе к краю дорожки, где не так скользко. А все почему? Да потому, что на руках у него сидел ребенок — совершенно чужой и непонятный ребенок — и внимательными карими глазками-бусинками пристально смотрел на Петрова.

К своим тридцати Петров никогда не держал на руках младенца: как ни просил в детстве, его мама так и не смогла купить ему братика или сестричку. Правда, он быстро перестал просить: рано смекнул, что его мама — мать-одиночка, и ей трудно растить даже одного мальчишку. Жениться Петров тоже не спешил, хотя девушка у него была, да еще какая — красавица и умница. И вот вместо того, чтобы спешить на встречу с Лерой, он тащился по незнакомой улице в незнакомый дом, да еще и с чужим ребенком на руках.

Кроха мог закатить истерику в любую минуту — пожалуй, сам Петров, будь он младенцем, точно бы закатил, если бы его внезапно куда-то поволок неизвестный ему верзила.

Да и внешность у верзилы была мало подходящая для утешения младенцев. Почти двухметровый рост, плюс 95 кило чистого веса, плюс сломанный нос (память о боксе) вкуче с бритым черепом вряд ли могли навевать бедному крохе образы игривого Карлсона или веселой Мэри Поппинс. Скорее, Терминатора.

Однако ребенок оказался настоящим камикадзе: глянул на Петрова пристально глазками-бусинками, покумекал там чего-то своими младенческими мозгами — и за шею обнял. Неожиданно.

А ведь в начале дня ничего не предвещало подобного поворота событий.

С утра запершило в горле, отлежаться бы денек, глядишь, и не разболелся бы, но лежать было некогда: на работе, как всегда в конце месяца, — аврал. Еще машина сломалась, и пришлось ехать на метро. Петров любил свою работу, и зарплата у него была вполне достойная, но эти бесконечные авралы... Да, трудиться начальником отдела продаж в такой большой компании — совсем непросто.

К обеду случилась новая напасть: зуб разболелся. Обедать не стал — аппетита ноль, отпросился с работы, сходил к зубному. От врача шел еле живой: горло болит, всю челюсть ломит — хуже не придумаешь. Самочувствие мерзопакостное, настроение под стать. Решил зайти в магазин, кофе кончился — у входа стоит побирушка. Жутко худая, балахон непонятного цвета висит как на вешалке, шапка спортивная, как колпак, на самый нос съезжает — в общем, одета в стиле «сами мы не местные, помогите, кто чем может». На руках ребенок маленький.

Вот это больше всего раздражало Петрова: когда детей используют в своем нищенском ремесле. Обычно он был человеком спокойным, но тут сорвался — рывкнул на эту тетку. Мало того, что народ обманывает, так еще над несчастным ребенком издевается.

А она, к его изумлению, ни словечка не ответила. Шапку свою на глаза совсем надвинула — и ни гугу. Может, не совсем еще совесть пропила... Купил кофе, вышел — ее уже и след простыл. Дул резкий северный ветер, мела поземка, редкие прохожие спешили домой. Челюсть ныла — отходила от наркоза, горло болело, и он мечтал об одном: добраться до дома, а там какой-нибудь анальгетик принять — и на диван под плед.

Внезапно заметил: на мосту фигурка одинокая белеет. Пригляделся: та самая побирушка с ребенком. Картина называется: ночь, улица, фонарь, аптека, бессмысленный и тусклый свет. Стоит эта тетушка и вниз смотрит этак прицельно. Петров решил сначала не обращать внимания: ее жизнь — и пускай она с этой жизнью делает, что хочет. Прошел мимо, потом остановился, вернулся. Ребенок-то тут при чем?! В общем, плакал диван с пледом.

Призвал на помощь все свои недюжинные способности по убеждению — убедил тетушку, что проводит до дома. Молча покивала, колпак на носу, и пошла, аки овца на заклятие.

Плелась так медленно, что Петрову пришлось самому взять у нее ребенка.

Присмотрелся: ребенок, в отличие от матери, одет тепло, комбинезон хороший, видно, что качественный. Может, не ее ребенок?! Петров шел и изо всех сил старался не дышать на малютку — все же у него болело горло, как бы не заразить. Впрочем, вряд ли это дитя на мосту ждала более приятная перспектива...

Проводил тетушку до квартиры, заходить не стал. Она, конечно, может в любой момент на этот самый мост вернуться, но, по крайней мере, пусть самоубивается не в его присутствии... Ушел быстро, с надеждой никогда в жизни больше не увидеть ни тетку, ни чадо.

Вечером выпил пару таблеток, съел ложку меда, добрался наконец до теплого пледа. С утра почувствовал себя гораздо лучше. На работе продажи шли прекрасно, шеф выписал премию. Правда, закапризничала Лера: обиделась, что не смог с ней вчера встретиться. Уехала с подругами на какую-то модную выставку на своей новой машине — папином подарке. Ладно.

У Петрова все равно челюсть еще ныла и горло не прошло — не до свиданий. Вот поправится — тогда... Ему всегда было приятно идти с Лерой по улице, заходить в ресторан — встречные мужчины оборачивались и смотрели его девушке вслед. И никаких занудств, никаких заморочек у них с Леркой не было — необременительные такие, приятные отношения...

Машину забрал из ремонта, и вчерашний поход по ледяному городу казался уже кошмарным сном. Вечером Петров сидел в своем удобном кресле, в своей уютной холостяцкой квартире, и предвкушал прекрасный вечер. Давно собирался прочитать «Обитель» Прилепина. Открыл толстый том, а перед глазами побирушка со своим несчастным младенцем. Петров хмыкнул, отложил книгу, включил трилер. Но жалкая тетушка в колпаке и карие глазки-бусинки ее

Содержание

Часть I.

В чем счастье?

<i>(Рецепты наших современников)</i>	3
Мера жизни	5
А вы читали Кьеркегора?	17
История, рассказанная под Рождество	29
В чем счастье?	41
Пропавший Пашка	55
Житейское море	65
«Для чего молиться?»	88
На литургии никогда не бывает пусто.	97
«Почему ты такая суворая?»	105

Часть II.

Как действуют духовные законы в нашей жизни

Хирург Валерий Чеканов о тайнах жизни и смерти	125
Игумен Савватий: почему я стал монахом	145
Встреча с миром невидимым	155
Как действуют духовные законы в нашей жизни	177

О скутере, джипе и ромашках на свадьбу.....	195
Протоиерей Александр Торик —	
о Промысле Божиим, знаках, встречах и планах...	202
Бедовая баба Рая, или Мера наших бабушек.....	219
Святитель Николай своих не оставляет.....	231

Часть III.

<i>Лальские тайны.....</i>	<i>239</i>
----------------------------	------------